

Влияние социально-психологических факторов на выраженность надежды / безнадежности в юношеском возрасте

Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

Исследование надежды и безнадежности весьма актуально в современной психологии, при этом их социально-психологические факторы изучены недостаточно.

Цель научной работы – проанализировать характер влияния состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды и безнадежности в юношеском возрасте.

Материал и методы. Выборка испытуемых составила 75 человек в возрасте от 17 до 24 лет ($M = 18,93$; $SD = 1,30$), среди них 36 юношей и 39 девушек. В качестве эмпирического метода применялся метод опроса (методика «Шкала надежды и безнадежности» А.А. Горбаткова). Для обработки данных использовался многофакторный дисперсионный анализ.

Результаты и их обсуждение. Установлено, что в юношеском возрасте на выраженность надежды на достоверном уровне влияют состав семьи и наличие близкого друга. Наиболее низкие показатели надежды обнаружены у студентов из полных семей при отсутствии близкого друга (по сравнению с испытуемыми из полных семей, у которых есть близкий друг, и из неполных семей – при его отсутствии). Для индивидов, воспитывающихся в неполной семье, характерен более высокий уровень безнадежности, чем для испытуемых из полных семей.

Заключение. Перспектива изучения состоит в определении иных социально-психологических факторов надежды и безнадежности в юношеском возрасте и расширении выборки исследования.

Ключевые слова: надежда, безнадежность, состав семьи, близкий друг.

Influence of Social and Psychological Factors on the Severity of Adolescents' Hope / Hopelessness

Andreyeva I.N.

Educational Establishment "Polotsk State University"

The studies of hope and hopelessness are highly relevant in modern psychology, while their social and psychological factors have not been studied enough.

The purpose of the study is to study the nature of the influence of family composition and the presence of a close friend on the severity of adolescents' hope and hopelessness.

Material and methods. The sample of the subjects was 75 people aged 17 to 24 years old ($M = 18,93$; $SD = 1,30$), among them 36 boys and 39 girls. As an empirical method, a survey method was used (the test "Scale of Hope and Hopelessness" by A.A. Gorbakov). A multivariate disperse analysis was used in processing the data.

Findings and their discussion. It has been established that the composition of the family and the presence of a close friend affect the severity of adolescents' hope at a reliable level. The lowest indicators of hope were found in students from complete families in the absence of a close friend (compared with subjects from complete families who have a close friend and from incomplete families – in his absence). For individuals raised in incomplete families, a higher level of hopelessness is characteristic than for subjects from complete families.

Conclusion. The prospect of the study is to identify other social and psychological factors of adolescents' hope and hopelessness and expanding the sample of the study.

Key words: hope, hopelessness, family composition, close friend.

Исследование надежды весьма актуально в современной психологии, поскольку данное переживание – исходное начало для самоопределения, автономии и суверенности человека, предвидения им будущего. Популярность изучения надежды и безнадежности связана как с изменением доминирующего типа мышления исследователей (от мышления в категориях реактивности к мышлению в категориях проактивности поведения) [1], так и со значением этих эмоций в качестве факторов успешности, субъективного благополучия и здоровья человека [2; 3]. Жизнь человека утрачивает смысл, если он теряет надежду. «Где жизнь, там и надежда», – гласит пословица.

Античные мыслители рассматривали указанный феномен двояким образом: одни – как «добро», т.е. как утешение, которое может избавить человека от страданий, другие – как «зло», как добровольный самообман, который может способствовать отчаянию [4]. Отметим, что надежда понимается Аристотелем как мера существования между наименьшей для этого возможностью, невозможностью и не слишком большим, но достижимым [5].

В христианской традиции надежда является одним из центральных понятий триединого комплекса универсальных человеческих ценностей (Вера, Надежда и Любовь) [4]. В рамках религиозных представлений «упование», т.е. надежда «крепкая, совершенная, непоколебимая никакими сомнениями» [6], тесно связано с доверием Божественной воле и смирением с ней, при этом важнейшей характеристикой надежды выступает терпение.

В современной философии античные и христианские представления о надежде переосмысливаются. При этом одни философы, в частности А. Камю, отождествляя надежду с иллюзией, противопоставляют ей безнадежность как отсутствие всякого обмана, другие (П. Рикер, Э. Блох, Э. Фромм) признают надежду эффективной силой развития в личностном, социальном и иных аспектах. Особое место в понимании бытийной роли надежды занимают исследования Э. Блоха [5]. Его рассуждения строятся на основе новой модели человека как человека надеющегося. Надежду он наделяет деятельным в практическом отношении характером. При этом практически деятельная надежда противопоставляется пассивной, иррациональная – рациональной, осознаваемая – неосознаваемой. Деятельный характер надежды подчеркивает и Э. Фромм, указывая на то, что она ориентирована на активное преобразование человеком окружающей действительности в направлении «большей жизненности» [4, с. 7]. Надежда может иметь отношение как к отдельным

людям, так и к группе людей, отсюда выделение индивидуальной и групповой форм надежды [4].

В современной психологической науке нет единого понимания и, соответственно, определения надежды. В поведенческой психологии надежда понимается как способность действовать ради достижения блага, в экзистенциальной – как элемент жизни, зависящий от определенных жизненных событий, в когнитивной – как позитивное осознанное ожидание наступления желаемых событий. Отечественные психологи интерпретируют надежду по-разному: как ценностную ориентацию (Г.В. Дьяконов) [4], эмоциональное состояние (А.А. Горбатков) [1], мотивационное состояние (Е.П. Ильин) [7], ресурсное состояние человека, которое дает жизненные силы и энергию для реализации жизненных перспектив (Т.А. Климонтова) [2]. Очевидно, что в каждом из определений надежды акцентируется только одна ее составляющая, поэтому наиболее убедительной представляется интерпретация надежды как интегрального образования, в структуру которого входят эмоционально-оценочный, когнитивный и мотивационно-поведенческий компоненты [3]. Онтологический подход к надежде, интегрируя все ее компоненты, позволяет рассматривать ее как «системное духовное качество, репрезентирующее одновременно и чувственную, и рациональную, и деятельностьную сторону мироотношения человека» [8, с. 23].

Благодаря анализу литературы [1–5; 8–10] можно выделить следующие функции надежды: смыслообразующая («инобытия», надежда как общечеловеческая ценность), стимулирующая (противостояния бытию), регулирующая (преобразования бытия), защитная (примирения с бытием).

В зависимости от степени активности индивида определяются такие ее виды, как активная и пассивная [4; 10]. Реализация первых трех функций, перечисленных выше, характерна для активной надежды, которая направлена в будущее, сопряжена с преобразовательной активностью субъекта. Последняя ориентирована на объект, позитивно значимый для личности, но отсутствующий в данное время, хотя и достижимый с определенной вероятностью. Пассивная надежда обусловлена расчетом на то, что все уладится само собой. С одной стороны, она выполняет защитную функцию, которая позволяет примириться с реальностью, а с другой – может способствовать лени, безответственности и необязательности. По мнению Э. Фромма, пассивная надежда есть не что иное, как замаскированная форма безнадежности [4].

С учетом адекватности оценки ситуации выделяется реальная надежда, которая строится на ожидании объективно возможного, соответствующего ресурсам и усилиям индивида, и иллюзор-

ная надежда, основанная на искаженном восприятии реальности [4].

Касаемо преобладания эмоционального либо когнитивного и мотивационно-поведенческого компонентов в структуре надежды определяются эмоциональная надежда и рациональная надежда [10; 11]. Представители эмоционального вида надежды видят будущее более оптимистично, однако, учитывая недостаточную представленность в структуре данного вида надежды планирования и антиципации будущих событий (когнитивный компонент надежды), а также стремления к достижению поставленных целей (мотивационный компонент), такое отношение к будущему способно привести к разочарованию и усилению безнадежности. Обладатели рационального вида надежды способны находить различные пути достижения целей, двигаться к ним планомерно и осознанно, в то же время их слабой стороной являются сомнения в успехе и неуверенность [10].

Смысловое содержание надежды в обыденном сознании включает как эмоциональную пассивную, так и рациональную активную сторону [11], при этом в житейских представлениях доминирует первая [10]. Синонимом выражения «надеяться на кого-либо» является словосочетание «рассчитывать на кого-либо» [4]. Иными словами, в сложных ситуациях человек надеется, что его поддержат и защитят близкие люди.

Реакция на несбыточность надежды может проявляться в безнадежности, которая понимается как «утверждение безвыходности ситуации, убежденность в невозможности реализации желаний, отказ от каких-либо ожиданий, чего-то позитивного в будущем» [12, с. 24]. Безнадежность чаще всего возникает в результате череды неудач, что приводит человека в состояние уныния, порождает негативные ожидания, блокирует способность к нормальному общению. При этом снижается способность анализировать, планировать события, находить иные способы решения трудностей, субъективное ощущение контроля над событиями, что приводит к состоянию беспомощности с характерными для нее симптомами – торможением попыток активного вмешательства в ситуацию, трудностью последующего научения тому, что в подобных ситуациях действие приносит положительный эффект, чувству грусти, депрессии и подавленности. В терапевтических подходах безнадежность характеризуется как совокупность негативных представлений и мыслей о будущей жизни. В качестве последствий безнадежности приводятся суицидальное поведение, шизофрения, алкоголизм, депрессия [13], а также соматические заболевания [4; 10].

Хотя индивиды обоего пола склонны воспринимать будущее как исполненное надежд

[3], между мужчинами и женщинами обнаруживаются значимые различия в выраженности надежды и безнадежности. Так, женщины чаще испытывают состояние безнадежности, а мужчинам свойственна более высокая степень надежды как обобщенного ожидания достижения цели [3]. Различаются и представления о надежде: мужчины чаще понимают надежду как бессилие, отсроченное разочарование, а женщины – как чувство, стимулирующее к достижениям. Женщины прибегают к надежде чаще, в то время как мужчины склонны полагать, что они действуют, не прибегая к ней [11].

Безнадежность не обязательно является следствием неудовлетворенности жизнью, а надежда не всегда основывается на позитивной, оптимистической оценке жизненного пути [10]. Иногда надежда и отчаяние как следствие безнадежности рассматриваются не как два «полюса» переживания, а как два взаимосвязанных и равноценных пути к подлинному существованию человека, к преобразованию его жизни [14].

Проблема надежды и безнадежности особенно актуальна для юношеского возраста, который является одним из наиболее ответственных периодов формирования личности, поскольку включает осознание смысла жизни и ее целей. Хотя молодым людям, которые находятся в процессе индивидуации, поиска своего места в жизни, свойственна выраженная надежда на свои силы, однако в этот период индивиды все еще зависимы от семьи, нуждаются в рекомендациях и поддержке по жизненно важным вопросам, что актуализирует надежду на значимых других [15; 16]. Для молодых людей в период вхождения в раннюю взрослость (20–29 лет) по сравнению с респондентами старшего возраста вместе с надеждой на себя более характерна надежда на членов семьи и друзей [11].

При всей значимости дружеских отношений и семьи для переживания надежды в юношеском возрасте нами не обнаружено исследований влияния состава семьи и наличия близкого друга на надежду и безнадежность, что и обусловило научную новизну нашего исследования.

Цель научной работы – проанализировать характер влияния состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды и безнадежности в юношеском возрасте.

Материал и методы. Выборка испытуемых составила 75 человек (студенты Полоцкого государственного университета в возрасте от 17 до 24 лет ($M = 18,93$; $SD = 1,30$); среди них 36 юношей и 39 девушек). В качестве эмпирического метода применялся метод опроса (методика «Шкала надежды и безнадежности» А.А. Горбаткова [1], преимуществом которой является ее двухмерное

строение, т.е. она позволяет измерять надежду и безнадежность как относительно независимые друг от друга феномены, причем применима также и к студентам [17]. Для обработки данных использовался многофакторный дисперсионный анализ в рамках пакета компьютерных программ STATISTICA 8.0.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования, проведенного под нашим руководством Ю.Д. Оленченко, была изучена выраженность надежды / безнадежности у студентов с учетом половых различий. Достоверных различий по показателям надежды и безнадежности между юношами и девушками не обнаружено ($p > 0,05$). В дальнейшем анализ результатов проводился без учета пола.

Установлено, что более чем половине респондентов (53%) свойствен средний уровень надежды, почти треть из них (30%) продемонстрировала высокий уровень, для 10% характерен очень высокий, а для 7% – низкий уровень. В среднем величина данного показателя по выборке составляет $25,10 \pm 3,79$. При этом средний и низкий уровни безнадежности обнаружены соответственно у 48% и 42% испытуемых, высокий уровень безнадежности – у 10%. В среднем величина данного показателя по выборке составляет $22,0 \pm 7,54$.

Далее изучалось влияние социально-психологических факторов на показатели надежды и безнадежности. На достоверном уровне выявлено совместное влияние независимых переменных «Состав семьи» и «Наличие близкого друга» на выраженность зависимой переменной – надежды ($F(1,71) = 4,35, p = 0,041$). Результаты исследования представлены в таблице и на рисунке 1.

Как видно из таблицы и рисунка 1, у студентов из полных семей показатели надежды более выражены при наличии близкого друга, нежели при его отсутствии ($p < 0,05$). Значимость близкого друга в этом возрасте объясняется возрастной эмансипацией от своих родителей, связанной с потребностью в самостоятельности и самопознании. Заметим, что именно друг своим присутствием в жизни индивида как бы гарантирует независимое существование. У индивидов в юношеском возрасте складываются ценности, которые более близки и понятны сверстнику, чем взрослому. Их часто волнует то, что для взрослого не является важным. Общение со взрослыми уже не может полностью удовлетворить социальные потребности молодого человека, ему зачастую недостает глубины и интимности, характерных для доверительного общения с друзьями [15; 16]. По этой причине именно близкий друг становится для молодого человека источником надежды в трудной ситуации, именно на него он может рассчитывать в первую очередь.

Вместе с тем при отсутствии близкого друга выраженность надежды достигает более высокого уровня у студентов из неполных семей по сравнению с испытуемыми из полных ($p < 0,05$). Возможной причиной этого является большая эмоциональная близость юноши (девушки) с одиноким родителем, которая объясняется по-разному: формированием избыточной патологической привязанности к матери, тем, что в такой семье родители и дети тесно связаны целым конгломератом эмоций, среди которых не только любовь и забота, но и страх, печаль, страдание, боль [18]. Тесная эмоциональная близость с одиноким родителем в определенной мере восполняет отсутствие друга-сверстника. Подобная компенсация менее характерна для индивидов из полных семей, поскольку в данном случае, согласно представлениям автора теории семейных систем М. Боуэна, родители, которые находятся в более тесных эмоциональных отношениях друг с другом, образуют «диадку», а юноша, обладая иным, чем родители, статусом, выступает в семейном треугольнике в качестве «аутсайдера», взаимоотношения с которым не столь близки [19]. Родители в этом случае не пытаются заменить друзей.

Не обнаружено совместного влияния состава семьи и наличия близкого друга на показатели безнадежности ($p > 0,05$). При этом установлено, что для индивидов, воспитывающихся в неполной семье, характерен более высокий уровень безнадежности, чем для испытуемых из полных семей ($F(1,71) = 4,33, p = 0,041$) (рисунок 2).

На наш взгляд, такие результаты объясняются рядом ограничений, которые создаются условиями воспитания в неполной семье (например, социально-психологических: эмоциональная депривация, нарушение процесса полоролевой идентификации, неконструктивный стиль воспитания [18], необходимость совмещения одиноким родителем функций главы семьи и профессиональных ролей, неоднозначные стереотипы воспитания такой семьи со стороны микросоциума и общества в целом, высокий уровень тревожности детей и родителей, массовое социальное одиночество подростков из неполных семей, ограниченность моделей взаимоотношений и связанная с этим низкая социальная компетентность подростков [20]), материальных [18; 20]. Они требуют дальнейшего комплексного исследования.

Безнадежность в таких условиях может выступать как иллюзия со знаком «минус», когда негативный эмоциональный фон семьи как бы окрашивает в мрачные тона будущее индивида, хотя серьезные основания для этого отсутствуют. Если же рассматривать безнадежность как отсутствие иллюзий, то можно предположить, что индивиды, воспитывающиеся в неполных семьях,

Таблица – Влияние состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды (апостериорный критерий Дункана)

Состав семьи	Наличие близкого друга	(1) M = 22,85	(2) M = 25,00	(3) M = 24,66	(4) M = 17,40
1. Неполная	есть		0,53	0,57	0,09
2. Неполная	нет	0,53		0,91	0,03
3. Полная	есть	0,57	0,91		0,03
4. Полная	нет	0,09	0,03	0,03	

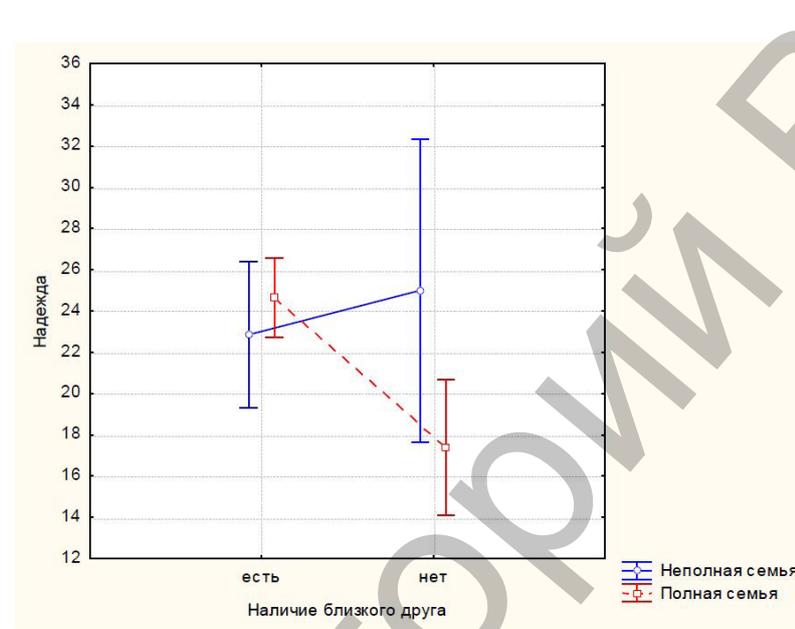

Рисунок 1 – Влияние состава семьи и наличия близкого друга на выраженность надежды

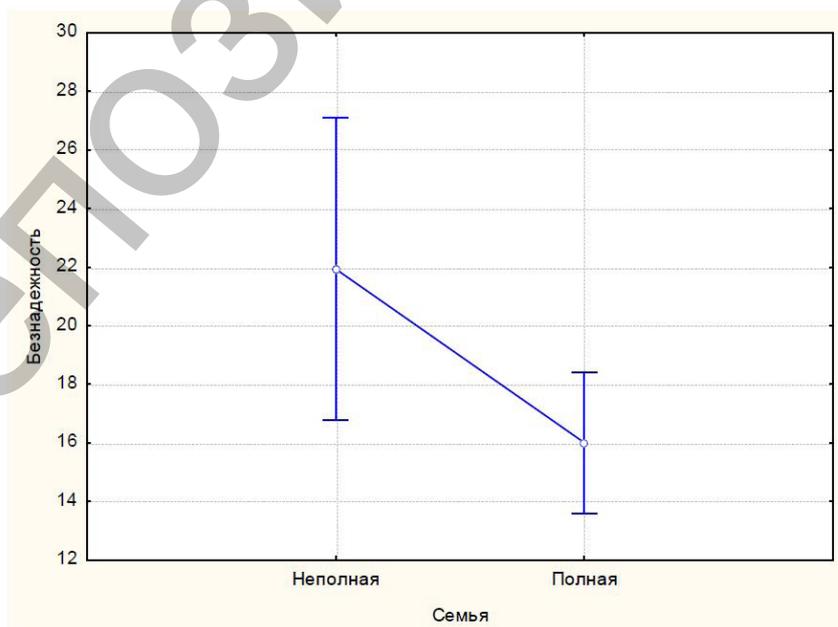

Рисунок 2 – Выраженность безнадежности у студентов из полных и неполных семей

сталкиваясь с различными трудностями, с неприятными аспектами жизни, вырабатывают более реалистичный взгляд в отношении перспективы собственной жизни, нежели их сверстники из полных семей.

Заключение. Обобщая результаты исследования, отметим, что его гипотеза частично подтвердилась: выявлено, что в юношеском возрасте такие социально-психологические факторы, как наличие близкого друга и состав семьи, совместно влияют только на выраженность надежды. Наиболее низкие показатели надежды обнаружены у студентов из полных семей при отсутствии близкого друга (по сравнению с испытуемыми из полных семей, у которых есть близкий друг, а также из неполных семей – при его отсутствии).

На выраженность безнадежности оказывает влияние только состав семьи. Для индивидов, воспитывающихся в неполной семье, характерен более высокий уровень безнадежности, чем для испытуемых из полных семей.

Перспектива исследования состоит в определении иных социально-психологических факторов надежды и безнадежности в юношеском возрасте и расширении выборки исследования.

Литература

1. Горбатков, А.А. Шкала надежды и безнадежности для подростков: некоторые аспекты валидности / А.А. Горбатков // Психологическая наука и образование. – 2002. – № 3. – С. 89–103.
2. Климонтова, Т.А. Надежда как фактор психологического благополучия личности / Т.А. Климонтова, Л.Б. Козьмина, Ю.В. Чепурко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 6, ч. 2. – С. 270–274.
3. Мансурова, И.С. Надежда как фактор совладающего поведения в значимых жизненных ситуациях / И.С. Мансурова, Е.В. Ежак, К.Н. Кошко // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 2. – С. 65–70.
4. Ильин, Е.П. Психология надежды: оптимизм и пессимизм / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2015. – 288 с.
5. Блох, Э. Принцип надежды. Утопия и утопическое мышление / Э. Блох. – М., 2007. – 194 с.
6. Иоанн (Максимович). В чем заключается упование на Господа [Электронный ресурс] // Православная жизнь. – Режим доступа: <https://pravlife.or>. – Дата доступа: 25.02.2019.
7. Ильин, Е.П. Психофизиология состояний человека / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2005. – 412 с.
8. Андрусенко, В.А. Объективные основания надежды (мировоззренческий аспект) / В.А. Андрусенко // Вестн. Оренбург. ун-та. – 1999. – № 3. – С. 19–23.
9. Вершинин, С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха / С.Е. Вершинин. – Екатеринбург, 2000. – 293 с.
10. Лабунская, В.А. Надежда как условие психологической безопасности личности и общества / В.А. Лабунская // Социальная психология и общество. – 2011. – № 4. – С. 15–26.
11. Фадеева, Т.Ю. Представления о надежде в разных возрастных группах / Т.Ю. Фадеева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, вып. 3(23). – С. 267–272.
12. Муздыбаев, К. Феноменология надежды / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2000. – № 4. – С. 5–21.
13. Anxiety, Depression and Hopelessness in Adolescents: A Structural Equation Model / Sh. Cunningham [et al.] // J. Can. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry. – 2008. – Aug; 17(3). – P. 137–144.
14. Больнов, О.Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма / О.Ф. Больнов // Философская мысль. – 2001. – № 2. – С. 15–27.
15. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека: учеб. пособие / Е.Е. Сапогова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 461 с.
16. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / под ред. И.В. Дубровиной. – М.: МПСИ, 2012. – 150 с.
17. Горбатков, А.А. Шкала надежды-безнадежности: дименсиональная структура и ее детерминанты / А.А. Горбатков // Рос. психол. журнал. – 2007. – Т. 4, № 2. – С. 26–34.
18. Ушницкая, Н.Е. Проблемы воспитания ребенка в неполной семье / Н.Е. Ушницкая, М.И. Андросова // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». – 2017. – Т. 26. – С. 99–101.
19. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика / под ред. К. Бейкер, А. Варга. – М.: Когито-центр, 2012. – 496 с.
20. Клипинина, В.Н. Гармонизация процесса воспитания подростков в неполной семье / В.Н. Клипинина, Е.В. Минич // Сацьяльна-педагогічна работа. – 2012. – № 7. – С. 3–6.

Поступила в редакцию 01.04.2019